

Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента)

© кандидат филологических наук Д. Б. Гудков, 1998

0. Вводные замечания.

0.1. Настоящая статья представляет собой результат предварительной обработки экспериментальных данных, полученных в ходе исследований, проводимых семинаром “Текст и коммуникация”. Анкета была составлена нами совместно с В. В. Красных и И. В. Захаренко, при проведении анкетирования неоценимую помощь оказали И. В. Захаренко, Э. Е. Каминская и Е. А. Родионов, которым автор выражает глубокую благодарность.

0.2. Анкетирование должно было: а) подтвердить или опровергнуть те теоретические положения, которые участники упомянутого семинара подробно останавливались в различных своих работах¹ и которые коротко излагаются ниже; б) выявить особенности бытования в сознании и функционирования в языке прецедентных имен (ПИ); в) дать материал для словаря прецедентных феноменов (ПФ); г) помочь выявить тенденции в динамике русской когнитивной базы (КБ).

1. Теоретические положения

1.1. Культурным пространством мы называем форму существования культуры в сознании. Те или иные феномены культуры при восприятии их человеком отражаются в сознании последнего, где происходит определенное структурирование отражаемого и устанавливаются некоторые системные отношения отраженных феноменов (их взаимоположение,

¹ См, напр., Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация. Доклад на Ломоносовских чтениях. Филологический факультет МГУ, 1996. В печати; Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3; Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 4; Гудков Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. В дальнейшем мы приводим положения из настоящих работ без специальных ссылок.

иерархия и т. п.). “Вещами”, задающими и формирующими культурное пространство выступают представления о “культурных предметах”, существующие в индивидуальном сознании.

1.2. Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого национально-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений. Мы называем эту совокупность индивидуальным когнитивным пространством.

1.3. Существует некоторая совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального, генерационного и т. д.), которую мы определяем как коллективное когнитивное пространство.

1.4. Когнитивной базой (КБ) мы называем определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингво-культурного сообщества. КБ формируют инварианты представлений об определенных феноменах, хранящихся в ней в минимизированном, редуцированном виде.

1.5. Индивидуальное когнитивное пространство включает в себя минимум два представления каждого из феноменов, находящихся отражение в КБ: инвариант, хранящийся в последней, и собственное представление индивида. Инвариант и индивидуальное представление могут практически совпадать, но могут и существенно отличаться. В речи, как правило, актуализируется именно инвариант.

1.6. Единицами, формирующими КБ, являются прецедентные феномены (ПФ), среди которых мы выделяем прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентную ситуацию. Все указанные феномены находятся в тесной взаимосвязи. В дальнейшем мы будем говорить прежде всего о прецедентном имени (ПИ), под которым понимается индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Обломов, Илья Муромец*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин, Павлик Морозов*). За каждым ПИ стоит инвариант восприятия того “культурного предмета”, на который указывает данное имя. При вхождении в КБ представления о том или ином феномене из множества диалектических

и часто противоречивых черт последнего вычленяется лишь ограниченный набор характеристик, формирующих национально детерминированное минимизированное представление (НДМП). Таким образом, означаемым ПИ является НДМП “культурного предмета”, включающее 1) его дифференциальные признаки, 2) атрибуты и 3) оценку. ПИ могут употребляться денотативно (*Ломоносов основал Московский университет*) и коннотативно² (*Этот мальчик будет новым Ломоносовым*).

2. Структура анкеты и принципы анкетирования

2.1. Анкета включала в себя 31 имя, каждое из которых, по мнению ее составителей, могло квалифицироваться как прецедентное. При выборе конкретных имен мы не руководствовались какими-либо жесткими критериями, так как задача состояла не в том, чтобы определить список единиц, являющихся прецедентными для русских, но в том, чтобы показать, что существует корпус имен, означаемыми которых являются НДМП и которые знакомы подавляющему большинству членов русского лингво-культурного сообщества, что, в свою очередь, подтверждает существование национальной КБ. При этом составители анкеты стремились к тому, чтобы в ней относительно пропорционально были представлены имена героев фольклора и детской литературы, классической литературы, реальных лиц.

2.2. При опросе мы стремились охватить информантов разного возраста, образования (незаконченное среднее, среднее, незаконченное высшее, высшее — гуманитарное и техническое), живущих в разных регионах страны (Москва, Подмосковье, Новгород, Тверская область, Архангельская область), горожан и сельских жителей. Нижней возрастной границей опрошенных мы положили 16 — 17 лет (ученики последних классов школы и ПТУ) как возраста относительно полной социализации. Всего было опрошено 90 человек, относительно невысок процент прошедших анкетирование сельских жителей (15 человек), несколько превышен процент лиц моложе 25 лет (39 человек), так как в этой возрастной группе, по нашему мнению, наиболее ярко проявляются тенденции в динамике КБ.

2.3. Анкета состояла из трех разделов. Задание к первому из них было сформулировано следующим образом: *“Представляя свое го(-ю) знакомого (-ую) Николай сказал, что он (она)... Что Николай имел в виду?”* После этого следовал список из 31 имени. Эти же имена

² *Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 116.*

фигурировали и во втором разделе анкеты. В нем предлагалось высказать свое предположение о содержании газетной статьи, озаглавленной, например, так: “Колумбы Сибири”, “Рацион для Кащей”, “Остатки молодеют” и т. п. В третьем разделе информантам предлагалось закончить предложение с теми же ПИ (например: *Ее называли Софьей Ковалевской, потому что она... ; Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот...*) Таким образом, каждое из ПИ было трижды употреблено коннотативно, что позволяет составить впечатление о его восприятии и определить то НДМП, на которое это имя указывает.

2.4. С точки зрения строгой социологии, возможно, к валидности результатов наших опросов могут быть предъявлены серьезные претензии. Однако полученные данные вполне удовлетворяют тем задачам, которые мы ставили перед собой при проведении настоящей работы и дают ценный материал, на основании которого могут планироваться и проводиться дальнейшие исследования.

3. Общие результаты

3.1. В число прецедентных мы включали те имена, с инвариантом восприятия которых знакомо не менее 70% респондентов в целом, при этом не менее 50% в каждом отдельном регионе и в каждой возрастной группе. Число 70 выбрано нами достаточно условно, но оно, на наш взгляд, свидетельствует, что подавляющее большинство русских знакомо с НДМП, стоящим за данным ПИ, и последнее относится к ядерным элементам русской КБ. Ядро это, как свидетельствуют полученные результаты, является практически неизменным вне зависимости от уровня образования, возраста и региона. Ниже приводится список этих 23 имен, в скобках указан процент “опознаваемости”³.

Иван Сусанин (93,5 %), Моцарт (100%), Колумб (97%), Стаханов (87%), дядя Степа (95%), Кащей Бессмертный (95%), Ломоносов (98%), Колобок (95%), Золушка (93%), Софья Ковалевская (71%), Павлик Морозов (91%), Дюймовочка (93%), Шапокляк (92%), Суворов (90%), Илья Муромец (99%), Остап Бендер (91%), Павка Корчагин (77%), Хлестаков (74%), Стенька Разин (79%), Макаренко (75%), Плюшкин (74%), Обломов (77%), Кулибин (78%).

³ Термин “опознаваемость” является весьма условным, мы говорим не столько о знакомстве с самим именем, сколько о знании стоящего за ним НДМП, последнее часто далеко отстоит от “энциклопедического” представления. Иными словами, ответ *Обломов* — герой романа не учитывался нами при подсчете процента “опознаваемости”, а *Обломов* — лентяй — учитывался.

3.2. Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что КБ лингво-культурного сообщества не является плодом воображения, но существует в реальности, есть некие знания и представления, которые известны подавляющему большинству тех, для кого русский язык является родным. Проведенное анкетирование позволяет выявить часть ядра этой КБ.

3.3. “Культурные предметы”, на которые указывают ПИ, содержатся в КБ в виде минимизированных представлений, включающих лишь весьма ограниченный набор признаков соответствующего феномена. Так, *Кащей Бессмертный* в русских сказках обладает такими качествами, как сила, жестокость, богатство, властность, преклонный возраст, бессмертие, коварство и др. В ответах же респондентов такое качество, как худоба (периферийное в фольклорном образе) фигурирует в 86% ответов, злоба в 23%, уродливость — 10%, богатство — 5% (в некоторых анкетах указывалось несколько качеств). Таким образом, к ядру представления относится только один признак — худоба, остальные же оказываются периферийными. Еще более характерно минимизированное представление о таком сложном и противоречивом образе, как *Обломов*. Лени и бездеятельность фигурируют в 100% ответов, количество ответов, в которых это качество встречается в сочетании с другими (добродушный, честный, мечтатель и др.), составляет лишь 15%.

3.4. В индивидуальном когнитивном пространстве могут присутствовать несколько представлений одного феномена, например, собственное представление индивида и то НДМП, которое содержится в КБ. Особо интересны для нас те случаи, когда эти представления резко различны. Как и предполагалось нами ранее, в своем вербальном поведении языковая личность опирается именно на НДМП. Так, в одной из анкет респондент (менее 20 лет, нез. средн. образование, Москва) в первом разделе (видимо, не до конца поняв задание) напротив имени *Иван Сусанин* пишет: “*Русский герой эпохи Смутного времени, ценой своей жизни спасший царя*”. В третьем разделе, где предлагается закончить предложение, тот же респондент пишет: “*Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот завел его в лес, где они заблудились*”. Приведем еще один пример. Респондент (старше 60 лет, выс. гуманитарное образование, Москва) в 1-ом разделе напротив имени *Стаханов* пишет: “*Дутый рекордсмен, игрушка в руках властей*”. В других же разделах той же анкеты *Стаханов* характеризуется как “*трудыга*”, “*человек, который много работает*”. Приведенные примеры достаточно ярко свидетельст-

вуют, что энциклопедическая информация о феномене и индивидуальное представление о нем могут существенно отличаться от того инварианта восприятия, который содержится в КБ.

3.5. ПИ находится в тесной связи с прецедентным текстом и прецедентной ситуацией. Например, респондент (40 — 60 лет, ср. образование, Тверская область) в одном из разделов анкеты называет *Обломова* “героем романа *Тургенева*”, в других же разделах характеризует его как “лентяя”, т. е., не зная, с каким текстом связано это имя, осознает, что оно пришло из текста, который (в соответствии с нашими критериями) может быть отнесен к разряду прецедентных. Достаточно ярко представлена и связь некоторых ПИ с прецедентными ситуациями. Так, например, при описании представления, возникающего при коннотативном употреблении имени *Иван Сусанин*, 69% информантов описывали конкретную ситуацию (*завел не туда, ведет неправильной дорогой, заблудившийся в лесу москвич* т. д.). Сходная картина с ПИ *Колумб*. 70% опрошенных говорят о человеке, который открыл что-либо новое, неизвестное. Один ответ — “открыл Африку” (менее 20 лет, нез. ср., Новгород) — весьма характерен в этом отношении. Инвариант восприятия *Колумба* как человека, открывающего что-либо, прокладывающего новые пути, сохраняется даже при отсутствии энциклопедической информации о данном лице⁴.

3.6. Анкеты показывают, что некоторые имена не обладают жесткой связью с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией, выступают “абсолютивно”, выражая некоторые “вечные” качества, не обусловленные какими-либо конкретными обстоятельствами. Яркими примерами таких ПИ являются *Моцарт* (64% ответов содержат такие характеристики, как *гениальный, талантливый, одаренный*), *Макаренко* (100% ответов — *учитель, педагог, воспитатель*), *Кулибин* (77% ответов — *изобретатель*).

Можно также разделить ПИ на такие, за которыми стоит “цельное” представление, и такие, которые указывают на “диффузное” представление. “Цельными” мы называем такие представления, в которых одно качество явно преобладает над остальными, например: *дядя Степа* (83% — *высокий рост*), *Колобок* (90% — *полнота*), *Дюймовочка* (*маленький рост, миниатюрность* — 83%), а также уже указанные выше *Кащей*,

⁴ Заметим, что приведенные в этом параграфе ответы могут быть отнесены к числу маргинальных, но они, на наш взгляд, ярко свидетельствуют о явлениях, характерных для представления в целом.

Обломов, Моцарт, Макаренко, Кулибин. “Диффузные” представления имеют гораздо более сложную структуру, обладают большим набором качеств, часто весьма противоречивых. Ярким примером ПИ, за которым стоит подобное представление является *Степан Разин*: 13% ответивших указывают на связь с прецедентной ситуацией (жену утопил, женщину в воду бросил и т. п.; 21% — *бандит, разбойник, хулиган*; 34% — *бунтовщик*; 22% — *лидер, предводитель*; 24% — *широкий, удалой характер*; 11% — *защитник слабых и обиженных*. Еще сложнее “портрет” *Остана Бендера*: *жулик, аферист, прохиндей* — 29%; *умница* — 14%; *носит длинный шарф* — 11%; *романтик, мечтатель* — 10%; *найдет выход из любого положения* — 8,5%; несколько “оксюморонных” определений — *прелестный жулик, милый аферист, симпатичный прохиндей*. При коннотативном употреблении ПИ, за которым стоит “цельное” представление, в подавляющем большинстве контекстов и ситуаций актуализируется “ядерное” качество (*Его называли Колобком (дядей Степой), потому что он был толстый(высокий)* — наиболее частые ответы). При употреблении ПИ, за которым стоит “диффузное” представление, могут актуализироваться самые разные качества, например: *“Его называли Степаном Разиным, потому что он... организовал выступление против директора; ... выбросил невесту из машины; ...защищал слабых; ... ни в чем не знал удержу”*.

3.7. “Цельные” представления достаточно четко укладываются в предложенную выше схему (дифференциальные признаки (ДП), атрибуты, оценка). Например: *Шапокляк* — ДП — *вредная, пакостница* (68%), атрибут — *крыса* (11%), резко отрицательная оценка; *Обломов* — ДП — *лень, бездеятельность* (100%), атрибуты — *диван* (32%), *халат* (7%), положительно-снисходительная оценка. Надо заметить, что одним из наиболее ярких признаков ПИ является его аксиологичность, явно выраженная оценка присутствует в подавляющем большинстве ответов.

Но полностью указанная схема реализуется далеко не всегда даже в “цельных” представлениях. Так, *Плюшкин* оказывается лишен атрибутов, налицо только ДП — *скупость, жадность* (45%), *бессмысленное накопительство* (43%). Если же говорить о “диффузных” представлениях, то картина оказывается достаточно сложной, без всяких оговорок в схему укладывается, пожалуй, лишь *Остан Бендер*, атрибутами которого являются *кепка и шарф*, оценка при этом оказывается неоднозначной (“скорее “+”, чем “-”). Впрочем, заметим, что структура НДМП может быть именно такой, как мы полагали, но анкеты не во всех случаях позволяют ее выявить.

3.8. Анализ полученных результатов позволяет высказать несколько осторожных предположений о динамике КБ, изменениях, происходящих в ней. Очевидно, что наблюдается тенденция к “выпадению” из нее специфических феноменов советской действительности. Однако тенденция это выражена гораздо слабее, чем можно было предположить: такие имена, как *Стаханов, Павка Корчагин, Павлик Морозов* однозначно принадлежат к числу ядерных элементов КБ, с НДМП, на которое указывают данные имена знакомо подавляющее большинство респондентов (соответственно, 87%, 77% и 91%). О тенденции к “выпадению” говорит то, что эти имена “знакомы” всем без исключения респондентам старше 30 лет; среди тех же, кому меньше 20, *Стаханов* “набирает” 68%, *Морозов* — 85%, *Корчагин* — 61%, т. е. даже в этой возрастной группе большинство знакомо с указанными НДМП.

Достаточно удивительным представляется то, что менее 60% “набрали” имена героев классической литературы (*Дон Кихот, Манилов, Тарас Бульба*), а также имена некоторых исторических деятелей (*Гр. Отрепьев, Малюта Скуратов*); если при этом учесть, что не очень высок процент “опознавания” таких ПИ, как *Хлестаков, Обломов, Плюшкин*, то можно говорить об определенной тенденции, особенно принимая во внимание то, что знакомство с представлениями, стоящими за данными именами у людей старше 30 лет выше, чем у учащихся последних классов школ и ПТУ. Последнее наблюдение позволяет выразить сомнение в жесткой связи феноменов, формирующих КБ, с теми, которые представлены в школьной программе.

Заметим, что это только предварительные замечания, более серьезные выводы можно делать, если повторить подобное анкетирование через, скажем, 5 и 10 лет.

3.9. Анкета наглядно демонстрирует идеологический раскол современного русского лингво-культурного сообщества, что приводит к тому, что за некоторыми ПИ (из включенных в анкету, например, *Павка Корчагин* и *Павлик Морозов*) не стоит некое единое представление. Определенный инвариант восприятия сохраняется, но оценки оказываются диаметрально противоположными, не допускающими какого-либо компромисса. Так, основным ДП *Павки Корчагина*, встречающимся в большинстве ответов, является “идейность”, “готовность жертвовать собой за идею”, но характеризуется это качество совершенно по-разному: “трудолюбивый и мужественный борец за идею”, “отважный герой за Родину”, с одной стороны, и “тупой фанатик”, “дурачок прямолинейный” — с другой. Эксплицитно выраженная положительная

оценка присутствует в 43% анкет, отрицательная — в 24%, в остальных оценка прямо не выражена. Основным ДП ПИ Павлик Морозов является “совершение некоторого действия против отца (близкого человека)”, оценки же вновь резко расходятся: “предатель”, “стукач”, “ябеда” и “честный и смелый мальчик”, “готов погибнуть за справедливость”. Интересно, что нейтральная оценка при этом совершенно отсутствует. Положительная же присутствует в 36% ответов, отрицательная в 64%.

Достаточно неожиданным для нас явилось то, что практически невозможно оказалось “привязать” положительные и отрицательные оценки к какой-либо возрастной, социальной группе или региону. Нами предполагалось, что отрицательные оценки будут явно преобладать у респондентов моложе 20 лет, положительные же — у тех, кто старше сорока, но это не подтвердилось: 42% лиц моложе 20 лет охарактеризовали Морозова как *героя* и *борца за правду*; среди же, например, сельских жителей старше 30 лет отрицательную оценку дали 60% (9 из 15). Можно выделить лишь одну группу, в которой явно преобладают отрицательные оценки Морозова — москвичи с высшим образованием — 86% (12 из 14). Сходная картина и с *Корчагиным*. Можно лишь осторожно заметить, что в сельских районах преобладает положительная оценка (эксплицитно выражена в 53% ответов — 8 из 15), отрицательная же — у москвичей с высшим образованием (57% — 8 из 14)).

4. Дополнительные замечания

4.0. Выше нами были описаны результаты, которые могут быть отнесены к числу ожидаемых (в той или иной степени). Но, вероятно, любой эксперимент ценен тем, что не только подтверждает или опровергает те или иные догадки, но и приносит новые данные требующие осмысления. Именно на подобных фактах мы хотели бы остановиться в последнем разделе настоящей статьи. Выдвигаемые ниже тезисы являются лишь гипотезами, требующими дальнейшей тщательной проработки и соответствующих исследований.

4.1. ПИ оказываются достаточно тесно связанными с абстрактными именами. Ключевые концепты национальной культуры, во многом формирующие ценностную шкалу этой культуры и специфику социального поведения членов лингво-культурного сообщества, находят свое отражение в абстрактных именах (таких, как судьба, грех, порядочность и др.). При всей сложности структуры означаемого каждого из этих имен, оно, как нам кажется, вряд ли существует в дискурсивном виде, но представляет собой многомерный образ, именно образ, а не понятие, которое

является лишь следствием философского и лингвистического анализа, но не присутствует в сознании рядового носителя языка, пользующегося подобным именем. Операции со столь сложными и абстрактными образами весьма трудны. Эти образы нуждаются в конкретизации и редукции, тут на помощь приходят стоящие за ПИ представления, которые выступают как эталонное воплощение тех или иных абстракций (*Моцарт* — одаренность, гениальность, *Обломов* — лень, *Плюшкин* — скудность). Именно это позволяет нам говорить о том, что пантеон ПИ, с одной стороны, отражает ценностные ориентации лингво-культурного сообщества, а с другой — во многом формирует и определяет эти ориентации, влияя тем самым на модели социального поведения членов этого сообщества.

4.2. Бросается в глаза актуализация лексики, которую можно признать низкочастотной при употреблении некоторых ПИ. Например: *Шапокляк* — *пакостница* (11 ответов из 81 — 13,5%); *Суворов* — *стратег* (7 из 81 — 8%); *Бендер* — *проньера* (4 из 82), *пройдоха* (3), *прохиндей* (3), *процельга* (1); *Плюшкин* — *скопидом* (4 из 66), *скупердяй* (3); *Кулибин* — *самоучка* (9 из 70). Сходную картину можно наблюдать и со *Стахановым*, данное ПИ актуализирует лексику, которая ушла из современного русского дискурса и вряд ли может находиться в активном запасе современных школьников, но в ответах респондентов моложе 20 лет постоянно встречаются такие слова и обороты, как *ударник*, *передовик*, *перевыполнение плана* (7 ответов из 28 — 25%). Представляется, что во всех этих случаях можно говорить, следуя за Ю. А. Сорокиным, о “памяти” имени, о том, что представление, на которое указывает ПИ, хранит ассоциативные связи с определенными лексическими и фразеологическими единицами⁵, образуя определенную фрейм-структуру (в понимании В. В. Красных), т. е. “совокупность (пучок) векторов валентностей (предсказуемых ассоциативных связей)”⁶.

4.3. При употреблении ПИ (и, возможно, прецедентного феномена вообще) мы достаточно часто сталкиваемся с таким явлением, как энантиосемия. Так, *Макаренко* характеризуется как “*зануда, любящий всех поучать*”, “*плохой учитель*”; *Дюймовочка* — “*женщина огромного роста*”; *Ломоносов* — “*двоечник*”, “*второгодник*”; *Колумб* — “*изобрета-*

⁵ См. коллективную статью (запись дискуссии) в настоящем сборнике.

⁶ *Красных В. В.* О чем не говорит “человек говорящий”? (к вопросу о некоторых лингво-когнитивных аспектах коммуникации) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 87.

тель велосипеда”, “открыл то, что всем давно известно”. Анализ подобных ответов показывает, что об энантиосемии можно говорить в том случае, если представление сопровождается знаком “+”. При отрицательной оценке энантиосемия, вероятно, невозможна (так, вряд ли имя *Шапокляк* будет употреблено для характеристики милой и отзывчивой старушки, а *Плюшкин* — щедрого человека)⁷.

5. Выводы

- Можно с уверенностью говорить о существовании национальной когнитивной базы, одной из составляющих которой являются прецедентные феномены, в частности — прецедентные имена.

- За каждым прецедентным именем стоит инвариант его восприятия членами лингво-культурного сообщества, национально детерминированное минимизированное представление.

- Это представление (НДМП) может отличаться как от индивидуальных представлений о соответствующем феномене, так и от “реального” феномена. Это позволяет нам выдвинуть чисто практическое положение: при создании словаря прецедентных феноменов для иностранцев,

⁷ Заметим, что энантиосемия, вероятно, возможна именно тогда, когда существует некий устойчивый инвариант восприятия, стереотипный образ, переосмысление которого, перемена знака которого является основой различных языковых игр. Энантиосемия является одной из этих игр, используемых для создания различных эффектов и прежде всего комического эффекта. Так, можно вспомнить хрестоматийную фразу, связанную с прецедентной ситуацией и, следовательно, с соответствующим ПИ: “...Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...” Комический эффект создается в данном случае включением в описание прецедентной ситуации дефиниции (*белогвардеец*), резко выламывающейся, с одной стороны, из этой ситуации, а с другой — включающей ее в совершенно иной ряд, при этом ассоциативный ряд (офицер, мундир = белогвардеец (знак “-”)) является для воспринимающего текст читателя (обладающего русской КБ) абсолютно прозрачным.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 4. - 128 с. ISBN 5-7552-01-11-0

изучающих русский язык (необходимость которого, на наш взгляд, очевидна), явно недостаточным (хотя и необходимым) является включение в него энциклопедической информации, поскольку нужно также описывать существующие национально детерминированные минимизированные представления.